Религией может быть названо только то мировоззрение, в котором присутствует мысль о Боге, идея Бога, признание Бога, вера в Бога. Если нет этого, нет и религии. Мы можем называть такую веру как угодно: шаманством, фетишизмом, астрологией, магией... Но это уже не религия, это псевдорелигия, вырождение религии. Сегодня мне и хочется поговорить с вами по основополагающему для любой религии, конечно же, и для христианства, вопросу -учение о Боге.

Вопрос о Боге не прост. Вам придется не раз услышать: «Вот вы, христиане, говорите нам о Боге, доказы-ваете, что Он есть. А Кто Он такой? О Ком вы говорите, когда произносите слово «Бог»?» Об этом сегодня и поговорим с вами.

Начну очень издалека, не удивляйтесь и потерпите минуточку. У Платона, ученика

Сократа, есть такая мысль: первоначала (простые вещи, не имеющие никакой сложности) не поддаются определению. Их невозможно описать. Действительно, сложные вещи мы мо-жем определить через простые. А простые через что? Если человек никогда не видел зеленого цвета, как мы объясним ему, что это такое? Остается только одно — предложить: «Посмотри». Рассказать же, что представ-ляет собой зеленый цвет, нельзя. Отец Павел Флоренский как-то спросил свою кухарку, самую простую, необразованную женщину: «Что такое солнце?» Искушал ее. Она на него посмотрела с недоумением: «Солнце? Ну посмотрите, что такое солнышко». Он был очень дово-лен этим ответом. Действительно, есть вещи, которые невозможно объяснить, их можно только видеть.

На вопрос «Кто же Такой Бог?» приходится отвечать так. Христианство говорит, что Бог — это простое Существо, самое простое из всего, что есть. Он проще, чем солнышко. Он не та реальность, о которой мы мо-жем рассуждать и через это понять и познать ее. Его можно только «видеть». Только «посмотрев» на Него, познать, Кто Он есть. Вы не знаете, что такое солнышко, — посмотрите; вы не знаете, Кто такой Бог, — посмотрите. Как? — «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5; 8). Повторяю, далеко не все вещи поддаются словесному описанию, определению. Мы же не можем слепому объяснить, что такое свет, а глухому, что такое звук До третьей октавы или Ре первой. Конечно, есть сколько угодно вещей, о которых мы рассказываем и достаточно понятно объясняем их. Но есть немало и таких, которые выходят за границы понятийного выражения. Их можно познать только через непосредственное видение.

Знаете, что в дохристианской греко-римской литературе называлось богословием и кто назывался богословом? Под богословием разумелись рассказы о богах,

их похождениях, деяниях. А богословами назывались авторы этих рассказов: Гомер, Гесиод, Орфей. (Что находим у них, не буду говорить.) Вот вам и богословие и богословы. Конечно, есть небезынтересные идеи о Боге у Анаксагора, Сократа, Платона, Аристотеля и у других древних философов, но эти идеи не были популярными.

А в христианстве что называется богословием? Термин «богословие» — это русский перевод греческого слова «теология». По-моему, очень неудачный перевод, ибо вторая часть слова «теология» — «логос» имеет око-ло 100 значений (первая — Теос, или Феос, всем понятна — Бог). В древнегреческо-русском словаре И. Дво-рецкого содержится 34 гнезда значений слова «логос». В каждом гнезде еще по несколько значений. Но если говорить об основном религиозно-философском смысле этого понятия, то вернее всего, полагаю, оно соответствует «знанию», «познанию»,

«ведению». Переводчики взяли самое употребительное значение — «слово», и пе-ревели теологию таким неопределенным понятием, как богословие. Но по существу, теологию следовало бы перевести как боговедение, богознание, богопознание. При этом под ведением, знанием в христианстве подразумевается совсем не то, о чем думали язычники — не слова и рас-суждения о Боге, но особый, духовный опыт не-посредственного переживания, постижения Бога чистым, святым человеком.

Преподобный Иоанн Лествичник очень точно и лаконично сформулировал эту мысль: «Совершенство чистоты есть начало богословия». У других отцов это названо феорией, т. е. созерцанием, которое происходит в состоя-нии особого молчания — исихии (отсюда исихазм). Об этом молчании прекрасно сказал преподобный Варсонофий Великий: «Молчание лучше и удивительнее всех повествований. Его лобызали и ему поклонялись отцы наши, и им прославились». Видите, как говорит, вернее, говорило древнее, святоотеческое христианство о бого-словии. Оно есть постижение Бога, которое осуществляется лишь через правильную христианскую жизнь. В богословской науке это называется методом духовно-опытного познания Бога, он дает христианину возмож-ность истинного Его постижения и через это — понима-ния верного смысла Его Откровения, данного в Священном Писании.

В богословской науке есть еще два других метода, и хотя они являются чисто рациональными, однако тоже имеют определенное значение для правильного понимания Бога. Это методы апофатический (отрицательный) и катафатический (положительный).

Вы, наверно, слышали о них. Апофатический метод исходит из безусловной истины о принципиальной отличности Бога от всего тварного и потому непостижимости и невыразимости Его человеческими понятиями. Этот метод, по существу, запрещает говорить что-либо о Боге, поскольку любое человеческое слово о Нем будет ложным. Чтобы понять, почему это так, обратите внимание на то, откуда возникают все наши понятия и слова, как они образуются? А вот как. Мы что-то видим, слышим, осязаем и т. д. и соответственно называем. Увидели и назвали. Открыли планету и назвали ее Плутоном, открыли частицу и дали ей имя нейтрон. Есть понятия конкретные, есть общие, есть абстрактные, есть категории. Не будем сейчас об этом говорить. Так пополняется и развивается язык. И поскольку мы общаемся друг с другом и передаем эти названия и понятия, то и понимаем друг друга. Мы говорим: стол, и все понимаем, о чем идет речь, поскольку все эти понятия образуются на основе нашего коллективного земного опыта. Но все они очень и очень неполно, несовершенно описывают реальные вещи, дают лишь самое общее представление о предмете. Гейзенберг, один из основателей квантовой механики, справедливо писал: «Значения всех понятий и слов, образующиеся посредством взаимодействия между миром и нами самими, не могут быть

точно определены... Поэтому путем только рацио-нального мышления никогда нельзя прийти к абсолютной истине» (Гейзенберг В. Физика и философия. М., 1963. С. 67).

Интересно сопоставить эту мысль современного ученого и мыслителя с высказыванием христианского подвижника, жившего тысячелетием раньше Гейзенберга и не знавшего никакой квантовой механики, — преподобного Симеона Нового Богослова. Вот что он говорит: «Я... оплакивал род человеческий, так как ища необычайных доказательств, люди приводят человеческие понятия, и вещи, и слова и думают, что изображают Божественное естество, то естество, которого никто из ангелов, ни из людей не мог ни увидеть, ни наименовать» (Преп. Симеон Новый Богослов. Божественные гимны. Сергиев Посад, 1917. С. 272). Вот, видите, что значат все наши слова. Если они несовершенны даже по отношению к вещам земным, то тем более они условны, когда относятся к реальностям мира духовного, к Богу.

Теперь вам понятно, почему апофатический метод прав — потому, повторяю, что какими бы словами мы ни определяли Бога, все эти определения будут неверны. Они ограничены, они земные, они взяты из нашего земного опыта. А Бог превыше всего тварного. Поэтому, если бы мы попытались быть абсолютно точными и ос-тановились на апофатическом методе познания, то должны были бы просто замолчать. Но во что превратилась бы тогда вера, религия? Как мы могли бы проповедовать и вообще говорить об истинной религии или ложной? Ведь существом каждой религии является учение о Боге. И если бы мы ничего не могли о Нем ска-зать, то перечеркнули бы не только религию, но и саму возможность понимания смысла человеческой жизни.

Однако существует и другой подход к учению о Боге. Он, хотя формально неверен, в действительности столь же правильный, если не более, как и апофатический. Речь идет о т. н. катафатическом методе. Этот метод утверждает: мы должны говорить о Боге. И должны потому, что то или иное понимание Бога принципиаль-но определяет человеческую мысль, человеческую жизнь и деятельность. Подумайте, есть разница между следующими утверждениями: я ничего не могу сказать о Боге; говорю, что Бог есть Любовь; говорю, что Он есть ненависть? Конечно, разница есть, и великая, ибо каж-дое указание на свойства Бога является ориентиром, на-правлением, нормой нашей человеческой жизни.

Даже апостол Павел пишет о язычниках, что все, что можно знать о Боге, они могли бы познать через рассматривание окружающего мира. Речь идет о некоторых свойствах Бога, о том, как мы воспринимаем некоторые действия Божий, этого простого Существа. И называем это свойствами Божиими: Его премудрость, Его благость, Его милосердие и

так далее. Это есть толь-ко отдельные проявления Божества, которые мы можем наблюдать на самих себе и на окружающем мире. Бог же есть простое Существо.

Потому, хотя все наши слова неточны, неполны и несовершенны, тем не менее, Божественное Откровение для нашего научения говорит совершенно определенно, что Бог есть Любовь, а не ненависть, Добро, а не зло, Красота, а не безобразие... Христианство говорит: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин. 4; 16). Оказывается, учение о Боге-Любви, это не какая-то неопределенность, абстракция, нет, это — самое существо человеческой жизни, Он реально существующий Идеал. Потому «не любящий брата пребывает в смерти»; потому «всякий, нена-видящий брата своего, есть человекоубийца»; потому «никакой человекоубийца не имеет жизни вечной, в нем пребывающей» (1Ин. 3;14,15). Иначе говоря, знай, человек, если ты имеешь неприязнь хотя к одному человеку, ты заблуждаешься и приносишь себе зло, страдание. Вы подумайте, какой великий критерий дается человеку положительным учением о Боге, Его свойствах. По нему я могу оценивать себя, свое поведение, свои поступки. Я знаю великую истину: что есть добро и что зло и, следовательно, что мне принесет радость, счастье, а что коварно погубит меня. Есть ли что-либо большее и великое для человека?! В этом сила и значение катафатического метода.

Вы понимаете теперь, почему существует Откровение Божие, которое дано в человеческих понятиях, образах, притчах, почему Он, неизъяснимый и неописуемый, говорит нам о Себе нашими грубыми словами? Если бы Он нам сказал на ангельском языке, мы ничего бы не поняли. Все равно, что сейчас к нам кто-нибудь во-шел бы и заговорил на санскрите. Мы открыли бы рот в недоумении, хотя очень возможно, что он сообщал бы величайшие истины — мы все равно остались бы в полном неведении.

Итак, как же учит христианство о Боге? С одной стороны, оно говорит, что Бог есть Дух и, как Существо простое, не может быть выражен никакими человеческими словами и понятиями, ибо любое слово — это уже, если хотите, искажение. С другой — мы стоим перед фактом Откровения Божия, данного нам в Священном Писании и опыте многих святых. То есть Бог гово-рит о Себе человеку на его языке, и хотя эти слова и несовершенны и не полны сами по себе, однако они являются необходимыми для человека, поскольку указывают ему, что он должен делать, чтобы прийти, хотя бы отчасти, к спасительному познанию, ведению Бога. А что познание Бога отчасти возможно, об этом пишет Апостол: «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стек-ло, гадательно, тогда же лицем к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан» (1 Кор. 13; 12). И Сам Господь говорит: «Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (Ин. 17; 3). Земная жизнь и есть начало этой вечной жизни.

Бог Господь снисходит к нашему ограниченному разумению и выражает нам истину в наших словах. Думаю, когда мы умрем и освободимся от этого «понятийного» языка, то с улыбкой будем смотреть на наши представления о Боге, духовном мире, ангелах, вечности... которые мы имели, даже читая Откровение. Тогда мы, с одной стороны, поймем все убожество этих наших представлений, с другой — увидим, каким благом для нас было это прикровенное Откровение Божие о Себе, о человеке, о мире, ибо оно указывало нам путь, средства и направление спасительной жизни. То есть все это име-ет прямое отношение к духовной жизни христианина. Все мы наполнены страстями, все мы горды, все самолюбивы, однако при этом есть огромная разница между людьми. Какая? Один видит это в себе и борется с собой, а другой не видит и видеть не хочет. Оказывается, положительным (катафатическим) учением о Боге человеку даются верные критерии, мерила, с помощью которых он может правильно оценить себя, если действи-тельно хочет быть верующим. Конечно, он может и ненавидеть брата своего, называясь верующим, но тогда, если его совесть еще не совсем сожжена и не совсем помрачен ум, он может понять, в каком бесовском состоянии находится.

Вы знаете, религии есть естественные и сверхъес-тественные. Естественные религии являются не чем иным, как выражением в образах и понятиях, мифах и сказаниях непосредственного, естественного человеческого ощущения Бога. Поэтому такие представления всегда носят или примитивно антропоморфический, или интеллектуально абстрагированный характер. Здесь всевозможные образы богов, наполненные всеми страстями и добродетелями человеческими, здесь божественное Ничто, здесь идея платоновского Демиурга и арис-тотелевского Перводвигателя и т. д. Но все истины этих религий и религиозно-философских представлений имеют ярко выраженное человеческое происхождение. Сверхъестественные же религии отличаются тем, что Сам Бог дает знать о Себе, кто Он есть. И мы видим, ка-кое потрясающее различие существует между христианским пониманием Бога и тем, которое вне его. На пер-вый взгляд, и здесь, и там те же или подобные слова, однако содержание у этих религий по существу отличающееся друг от друга. Насколько разительно это отличие прекрасно выразил апостол Павел, когда сказал: «А мы проповедуем Христа распятого, для иудеев соблазн, а *для* эллинов безумие» (1 Кор. 1; 23). Действительно, все специфические христианские истины принципиально от-личаются от всех до них бывших аналогов. Это не только Христос распятый, но и учение о Триедином Боге, о Логосе и Его Воплощении, о Воскресении, о Спасении и др. Но об этом нужно вести отдельный разговор. А вот об одной из этих истин поговорим сейчас. Есть еще одна уникальная истина христианского учения о Боге, ко-торая решительно выделяет христианство из всех других религий, включая даже и религию ветхозаветную. Мы нигде, кроме христианства, не найдем, что Бог есть Любовь и только Любовь.

Вне христианства мы встретим какие угодно представления о Боге. При этом самое высокое Его понимание, к которому приходили отдельные религии и некоторые древние философы, сводилось к учению о справедливом Судье, высшей Правде, совершеннейшем Разуме. О том же, что Бог есть Любовь, никто не знал до Христа. Вот пример. В нашей Церкви существует комиссия по диалогу с мусульманами Ирана. Однажды был поднят вопрос о высшей добродетели и высшем свойстве Бога. И было интересно слышать, когда му-сульманские богословы, один за другим, говорили, что таковым свойством является справедливость. Мы отвечали: «Если так, то самым справедливым является компьютер. И разве вы не обращаетесь к Аллаху: «О, всемилостивый и милосердный!» Они говорят: «Да, милосердный, но Судья. Он судит справедливо, и в этом проявляется его милосердие». Почему не знало и не знает нехристианское сознание (хотя бы оно даже и называло себя христианским) о том, что Бог есть именно Любовь и ничего более? Потому, что у нас, людей, иска-зилось само понятие любви. В человеческом языке любовь обозначает: всепрощенчество, отсутствие наказания, то есть свобода произволу. Делай что хочешь, вот что по-человечески обозначает «любовь». Мы другу все прощаем, а к тому, кто нам неприятен, мы цепляемся за каждую ерунду. У нас извратилось понятие любви. Христианство же возвращает нам истинное ее понимание.

Что такое христианская любовь? «Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, чтобы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную». Любовь — это жертвенность. Но жертвенность не слепая. Посмотрите, как Христос реагировал на зло: «Змеи, порождения ехиднины». Берет кнут и выгоняет из храма, опрокидывает скамьи продающих в нем. Мне вспоминается один эпизод из книги архиепископа Александра Тянь-Шаньского, когда ему было лет 14-15. Он писал: «Я какую-то книжку взял и стал рассматривать в ней картинку, на которой кони спаривались. И вдруг это увидела моя мать. Я никогда не видел у нее такого гнева. Она всегда была очень мягкая и добрая, здесь же она с негодованием выхватила у меня из рук эту книгу. Это был гнев любви, который я с благодарностью вспоминаю всю жизнь».

Люди не знают, что такое гнев любви, и под любо-вью разумеют только поблажки. Поэтому, если Бог есть Любовь, то, следовательно, делай что хочешь. Отсюда и становится понятным, почему высшей добродетелью всегда считали и считают справедливость. Мы видим, как даже в истории христианства это высочайшее учение постепенно принижалось, искажалось.

Христианское учение о Боге-Любви было глубоко воспринято и раскрыто святыми отцами. Однако это понимание оказывается психологически недоступным для ветхого человека. Самый яркий пример — это като-лическое учение о спасении. Оно сводится, по верным словам А.С. Хомякова, к непрерывной судебной тяжбе между Богом и

человеком. Какие это отношения? Отно-шения любви? Нет, суда. Сделал грех — принеси соот-ветствующее удовлетворение правосудию Божию, ибо грехом ты оскорбил Божество. Они даже не понимают, что Бога нельзя оскорбить, ибо в противном случае Он оказывается не всеблаженным, а самым страдающим Существом. Если Бог непрерывно оскорбляется грехами человеческими, непрерывно содрогается от гнева на грешников, то какое же там всеблаженство, какая лю-бовь! Это судья. Отсюда изобретено гордое учение о заслугах и даже сверхдолжных заслугах человека, которые он будто бы может иметь перед Богом. Отсюда учение о Жертве Христовой как об удовлетворении правосудию Божию, учение о чистилище, отсюда индульгенции. Все католическое учение сводится к ветхозаветной доктрине: «око за око и зуб за зуб». Все оно прямо вытекает из глубоко искаженного понимания Бога.

Ну, а если Бог есть Любовь, то как же понять эту Любовь? Скорби человеческие бывают? Да. Разве за грехи человеческие не бывает воздаяния? Бывает, и еще какое. Мы наличном опыте и опыте других это постоянно можем видеть. И само Священное Писание говорит о воздаянии, и святые отцы. Что же в таком случае все это значит, как не то, что Бог есть Справедливость? Оказы-вается, нет. Когда факты бедствий и страданий человеческих оценивают как наказание Божие, то есть как месть Божию за грехи, то допускают большую ошибку. Кто наказывает наркомана, кто наказывает того, кто выскакивает со второго, с третьего этажа и ломает себе руки, ноги? Кто наказывает пьяницу? Это месть Бога, что он становится поломанным, изувеченным, больным телесно и душевно? Конечно, нет. Эти страдания суть естественные следствия нарушения законов внешнего мира. Точно то же происходит с человеком и при нарушении им законов духовных, которые являются первичными и еще более значимыми в нашей жизни, чем законы физические, биологические, психические и т. д. А Бог что делает? Все заповеди Божий являются откровением законов духовных и своего рода таким же предупреждением человеку, как и законы материального мира. Если хотите, можно даже сказать так, Бог умоляет нас, людей: не вредите себе, не грешите, не прыгайте с пятого этажа, сходите по лестнице; не завидуйте, не во-руйте, не лукавьте, не... — вы же себя этим калечите, ибо каждый грех несет в себе наказание.

Помню, в детстве как-то зимой мне мама сказала, что на морозе нельзя язычком прикасаться к дверной железной ручке. Только мама отвернулась, я тут же лиз-нул ее и был вопль великий. Но я тот случай хорошо запомнил и с тех пор, представляете, больше ни разу не повторил этого «греха». Так я понял, что такое заповеди Божий и что Бог есть именно Любовь, даже когда очень больно. Не маменька меня наказала, не она прилепила мой язык к железной ручке, а я не захотел признавать законов и был наказан. Так же «наказывает» нас и Бог. Наши скорби — это не месть Бога. Бог остается Любо-вью и потому предупреждает нас заранее, говорит, умо-ляет: «Не поступайте так, ибо за этим непременно последуют ваши страдания, ваши скорби».

Но идея, что Бог мстит, наказывает, является широко распространенным и глубоко укоренившимся заблуждением. А ложная идея порождает и соответствующие следствия. Сколько раз, думаю, вы слышали, как люди возмущаются... Богом. Бунтуют против Бога: «Что, я самый грешный? За что меня Бог наказал?» То дети рождаются плохими, то сгорело что-то, то дела идут не так. Только и слышно: «Что, я самый грешный? Вот хуже меня, и благоденствуют». Доходят до богохульства, до проклятий, до отвержения Бога. А откуда про-истекает все это? Из превратного, языческо-иудейского понимания Бога. Никак не могут понять и принять, что Он никому не мстит, что Он есть величайший Врач, Который готов помочь всегда и каждому, искренне осо-знавшему свои грехи и принесшему сердечное покаяние. Он выше наших оскорблений. Помните, в Апока-липсисе замечательные слова: «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною» (Откр. 3; 20).

Послушаем теперь, что говорит Священное Писание о Боге-Любви:

Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных (Мф. 5; 45).

Ибо Он благ и к неблагодарным и злым (Лук. 6; 39).

Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь венную (Ин. 3; 16).

В искушении никто не говори: Бог меня искушает; потому что Бог не искушается злом и Сам не искушает никого. Но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственною похотью (Иак. 1; 13-14).

Чтобы вы... могли... уразуметь превосходящую разу-мение любовь Христову, дабы вам исполниться всею пол-нотою Божиею (Еф. 3; 18-19).

Как святые отцы смотрят на этот вопрос? Мы най-дем у них (как и в Священном Писании)

множество высказываний, в которых прямо говорится о наказаниях Божиих за грехи. Но что означают эти наказания, какова их природа? Зачитаю вам их объяснения этого серьезного вопроса.

Преп. Антоний Великий: «Бог благ и бесстрастен и неизменен. Если кто, признавая благословным и истинным то, что Бог не изменяется, недоумевает, однако же, как Он (будучи таков) о добрых радуется, злых отвраща-ется, на грешников гневается, а когда они каются, является милостив к ним; то на сие надобно сказать, что Бог не радуется и не гневается: ибо радость и гнев суть страсти. Нелепо думать, чтобы Божеству было хорошо или худо из-за дел человеческих. Бог благ и только благое творит, вредить же никому не вредит, пребывая всегда одинаковым; а мы, когда бываем добры, то вступаем в общение с Богом — по сходству с Ним, а когда становимся злыми, то отделяемся от Бога — по несходству с Ним. Живя добродетельно — мы бываем Божиими, а де-лаясь злыми — становимся отверженными от Него; а сие не то значит, чтобы Он гнев имел на нас, но то, что грехи наши не попускают Богу воссиять в нас, с демонами же мучителями соединяют. Если потом молитвами и благотворениями снискиваем мы разрешение во грехах, то это не то значит, что Бога мы ублажили и Его переменили, но что посредством таких действий и обращения нашего к Богу уврачевав сущее в нас зло, опять соделываемся мы способными вкушать Божию благость; так что сказать: Бог отвращается от злых, есть то же, что ска-зать: солнце скрывается от лишенных зрения» (Настав-ления св. Антония Великого. Добротолюбие. Т.1. §150).

Св. Григорий Нисский: «Ибо что неблагочестиво почитать естество Божие подверженным какой-либо страсти удовольствия или милости, или гнева, этого никто не будет отрицать даже из мало внимательных.к познанию истины Сущего. Но хотя и говорится, что Бог веселится о рабах Своих и гневается яростью на падший народ, потом, что Он милует, егоже аще милует, также щедрит (Исх. 33,19), но каждым, думаю, из таковых изречений общепризнанное слово громогласно учит нас, что посредством наших свойств провидение Божие приспособляется к нашей немощи, чтобы наклонные ко греху по страху наказания удерживали себя от зла, увле-ченные прежде грехом не отчаявались в возвращении через покаяние, взирая на милость...» (Св. Григорий Нисский. Против Евномия. Творения. 4.V1. Кн.П. М., 1864. С. 428-429).

Св. Иоанн Златоуст: «Когда ты слышишь слова: «ярость и гнев», в отношении к Богу, то не разумей под ними ничего человеческого: это слова снисхождения. Божество чуждо всего подобного; говорится же так для того, чтобы приблизить предмет к разумению людей бо-лее грубых» (Беседа на Пс.6:2. Творения. Т.V. Кн.1. СПб., 1899. С. 49).

Св. Иоанн Кассиан Римлянин: Бог «не может быть ни огорчен обидами, ни раздражен беззакониями лю-дей. . .» (Собеседование XI. §6).

Все это очень важно понять, поскольку имеет большое значение для духовной жизни. Мы своими грехами отторгаемся от Бога, но Бог никогда не отступает от нас, сколь бы грешны мы ни были. Поэтому для нас всегда остается открытой дверь спасительного покаяния. Не случайно, а промыслительно первым в рай вошел не праведник, а разбойник. Бог всегда есть Любовь.

Такое понимание Бога проистекает и из христианского догмата о Боге едином по Существу и троичном по Ипостасям — догмата опять-таки нового, неведомого миру. Есть отеческое выражение: кто видел Троицу, тот видел Любовь. Догмат Троицы открывает нам первообраз той любви, которая является идеальной нормой человеческой жизни, человеческих отношений. Много-ипостасное человечество, хотя и едино по своей природе, однако в настоящем состоянии совсем не едино по существу, ибо грех разделяет людей. Тайна Бога-Троицы и открыта человечеству для того, чтобы оно знало, что только богоподобная любовь может сделать каждого человека чадом Божиим.